

ВСЕГДА РАДУЙТЕСЬ

Непрестанно молитесь. За все благодарите:
Ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе (1 Фес. 5, 16-18)

Пренебрегая исполнением заповедей, мы отрекаемся от Христа

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Сегодня, братья и сестры, мы все собрались, чтобы почтить память сорока мучеников Севастийских. Они пострадали в те времена, когда христианская вера, казалось бы, уже начала торжествовать во всей Римской империи, когда император Константин Великий, победив многих своих противников, стал покровительствовать христианству. В это самое время один из бывших союзников Константина, Ликий, воспротивился его власти и захотел править самостоятельно, хотя ему следовало быть только соправителем. Зная, что император Константин оказывает покровительство христианству, Ликий, видимо боясь, как бы среди его воинов не появились сочувствующие Константину, стал требовать у них отречения от Христа. И в то самое время, когда христианский мир готов был ликовать о прекращении гонений, неожиданно сорок воинов, которые известны нам как мученики Севастийские, должны были пострадать за Христа. Одно это, надо полагать, было для них особенно мучительно, потому что, когда все уже ожидали покоя, их внезапно постигло гонение и муки. Сначала ласками, а потом и угрозами от них стали требовать отречься от Христа, но они, показав свое мужество в военных сражениях, вели себя мужественно и в брани против дьявола – остались непреклонными, несмотря ни на какие угрозы.

Их было довольно много – сорок человек, почти половина так называемой римской центурии, подразделения римского войска, которое состояло из ста человек. Их подвергли страшному истязанию: загнали в озеро, покрытое льдом, и не давали выйти на берег. Здесь необходимо было не просто вытерпеть, но долгое время пребывать в состоянии, противном человеческому естеству, проявляя стойкость и долготерпение. Раздетые, они стояли так всю ночь, а для того чтобы и соблазнить их, и усугубить их и без того превосходящую человеческие силы муку – потому что человек не может долго терпеть холода, тем паче находясь в ледяной, студеной воде, и наконец перестает даже контролировать себя – мучители поставили на берегу озера растопленную баню, чтобы каждый воин пред-

ставлял, что он может в любой момент выйти из озера и тут же согреть свое замерзшее тело, если только отречется от Христа. Но все они оказались твердыми, кроме одного. Один не выдержал, отрекся от Христа и пошел к бане, но на пороге ее упал замертво, как его и изображают иногда на иконах.

Спустя некоторое время один из стражей увидел, как Божественный свет осиял небо над страдающими в Севастийском озере воинами и на них стали спускаться сорок венцов. Один венец, предназначавшийся отрекшемуся воину, начал подниматься об-

ратно на небо – тогда страж, имя которого было Аглай, объявил себя христианином, разделся и сошел в озеро, чтобы пострадать вместе с мучениками. Воины благодатью Божией оставались невредимыми. Когда же наступило утро, их убили страшным, ужасным образом: раздробили им молотами кости. Так они погибли. Тела мучеников были сожжены, а кости брошены в воду. На следующий день кости их собрали христиане. С тех пор по всему миру стала почитаться память этих мужественных воинов Христовых. Вы знаете, что это один из немногих праздников, который особо выделяется в Великом посту, потому что мы преклоняемся перед долготерпением этих людей.

В Православной Церкви существуют разнообразные традиции. Например в России, иных святых называют мучениками, иных – преподобными, иных – святыми, а в Греческой Церкви всех их именуют просто святыми. Тех, кто пострадал за Христа, мы обычно называем мучениками или страстотерпцами, греки же, по древнейшей традиции, называют их свидетелями, потому что считают, что человек, который вытерпел такие мучения, показав необыкновенное, сверхчеловеческое мужество, является свидетелем истинности православного вероучения, Православной Церкви. Чем еще, как не своей жизнью, мы можем доказать свою правоту? Если бы мы пустились в какие-то исследования, споры и диспуты, оказались бы в них победителями, превзойдя всех своим умом, но проявили бы малодушие на деле, то тем самым показали бы, что мы сами не убеждены или что наши убеждения – обычные, человеческие, которыми от страха или от каких-либо скорбей мы можем поступиться

из чувства самосохранения. Потому-то мучеников и называли свидетелями: они самой своей жизнью и подвигом доказали убедительнее любых апологетов и богословов, что истина в христианстве.

Что же помогло им это сделать? Что было в них такого, чего нет в нас? Сама история дает нам объяснение, в особенности история страданий сорока мучеников Севастийских. Мы видим, что, после того как они показали свое долготерпение, вдруг появился сверхъестественный Божественный свет, осясавший их и даже согревший воздух. Но главное – не то, что согрелись воздух и вода, в которой находились мученики, но то, что благодать Божия, этот Божественный свет проник в их души, в их сердца и как бы воссиял внутри них самих, тем самым сделав их способными к сверхчеловеческому мужеству. Благодать Божия дала им силы вытерпеть то, что превышает возможности не только обыкновенного человека, но даже и какого-нибудь особенно твердого духом и, как бы мы сейчас сказали, сильного волей человека. Именно благодать Божия делает нас способными совершить нечто сверхъестественное. Она помогает нам вытерпеть все скорби, которые враг наш, дьявол, уготовливает нам, чтобы заставить свернуть с истинного пути. Иногда это действительно страшные скорби, какие постигли, например, мучеников Севастийских или новомучеников и исповедников российских, пострадавшие в недавнее время. Но иногда дьявол незаметно мелкими скорбями и неприятностями, не требуя от нас явного отречения от Христа, тем не менее, заставляет нас вести себя не по-христиански. Мы же, недооценивая значения этих как будто бы незначительных происшествий, много и часто погрешаем – и на деле, как это ни прискорбно, как это ни страшно звучит, являемся отступниками.

Мы постоянно предаем евангельские заповеди, вменяя их ни во что, однако почему-то думаем, что если бы на нашу долю выпало какое-нибудь особенное испытание, вроде того, какое пришлось вытерпеть сорока мученикам Севастийским, то мы проявили бы твердость, потому что создавали бы, что здесь речь явно идет о спасении или гибели, об исповедании Христа или отречении от Него. Но многих дьявол искушает именно мелочами – мелкими, ничтожными, незначительными происшествиями, легкими скорбями, маленькими соблазнами. Мы же не заботимся о том, чтобы в нас всегда была благодать Божия, не приобретаем ее усиленной молитвой, покаянием и тщательным исполнением своего христианского долга, то есть

участием в богослужениях, постами и так далее. Мы пренебрегаем понуждением себя к исполнению заповедей, пребываем в нерадении, небрежении и беспечности. Таким образом, мы теряем ту благодать, которую получили в Таинстве Крещения, которую получаем в Таинствах Исповеди и Причащения, и потому оказываемся бессильными перед бесчисленными кознями дьявольскими. Сейчас они мелкие, но кто знает, что будет завтра?

Вспомним хотя бы сравнительно недавно, с точки зрения истории, время. До семнадцатого года Россия была благополучной и богатой великой страной, в которой люди жили безбедно, в том числе духовенство и монашество. Россия процветала и через какие-нибудь полтора десятка лет, по прогнозам Петра Аркадьевича Столыпина, обещала стать великой державой, в экономическом отношении, может быть такой же, как сейчас Соединенные Штаты Америки. Однако люди впали в беспечность, стали в мелочах пренебрегать евангельскими заповедями и лишились благодати Божией. Господь попустил страшному общественному бедствию охватить нашу страну. И те самые люди, которым казалось, что они живут в христианской стране, которые считали себя христианами уже потому, что вроде бы не совершали никаких тяжких грехов, а если в чем и согрешили, то каялись, – проявили малодушие и немощь, предали своего Государя, свою Родину, предали Православную Церковь. Многие и многие повели себя предательски по отношению к своим близким. Многие во время гонений отступили от Церкви, иные отреклись от священного сана – не только священники, но и монашествующие, и епископы. Конечно, было много мужественных людей, исповедников и мучеников, но еще больше было людей малодушных. Они не смогли вытерпеть испытание по той причине, что не имели благодати Божией, в стяжении которой, по словам преподобного Серафима Саровского, состоит цель христианской жизни.

Действительно, мы заботимся о приобретении имущества, о благополучии своем и своих близких – считаем это своим долгом. Но почему же мы с небрежением относимся к стяжанию благодати Божией? Почему сами делаем себя беззащитными и пустыми? Своими собственными

немощными и ограниченными человеческими силами мы, естественно, не можем противостоять всем тем соблазнам и скорбям, которые дьявол воздвигает на Православную Церковь. А Церковь – это мы с вами, это не стены храма, не иерархия, не церковная администрация. Православная Церковь – это каждый православный человек, кем бы он ни был – мирянином ли, монахом ли, священником или епископом. И если дьявол воздвигает на Церковь такие гонения, которые Сам Спаситель сравнил с вратами адовыми (см. Мф. 16, 18), то как же мы должны бодрствовать и трезвиться! Как должны заботиться о стяжании сверхъестественной Божественной помощи, чтобы устоять против всего, что воздвигает на нас дьявол, желая оторгнуть от Церкви и погубить! Ведь пока мы в единстве с Церковью, ничто не может нас победить.

Вот чем отличаются мученики от всех прочих людей. И мученики IV века, как пострадавшие в Севастийском озере воины, и мученики XX века, страдавшие в лагерях и ссылках, и те, кому дробили кости молотами, и те, кого расстреливали из револьверов и наганов, – все они имели одинаковое преимущество перед нами: они имели благодать Божию. Вот что ставит человека выше его собственного естества.

Не будем же проявлять нерадение и успокаивать себя тем, что сейчас у нас все хорошо. Мы не знаем, какое испытание ждет каждого из нас. Может быть, нас будут искушать такие соблазны, что мы предпочтем лучше заболеть какой-нибудь неизлечимой болезнью, пострадать телом, лишь бы только наша душа не поддавалась тому греховному влечению, которому мы не имеем сил противостоять. Итак, не будем беспечны, будем молиться день и ночь, будем стараться изо всех сил и все время понуждать себя, чтобы нам быть с Богом, с благодатью Божией. Господь видит наше произволение, видит наше сердце. За наше смирение, покаяние и понуждение себя Он сохранит нас от всех скорбей духовных и телесных. Это не значит, что мы будем жить безбедно и благополучно, – Господь подаст нам твердость, мужество и веру, чтобы во время искушений мы смогли вести себя как истинные христиане. Аминь.

Схиархимандрит Авраам (Рейдман)

Постимся постом неприятным

Как причудливо меняется порой смысл хорошо, казалось бы, знакомых слов и выражений при перенесении их в иной «контекст»! Хотя, конечно же, ничего странного и противозастенственного в таком изме-

нении нет: контекст и вправду определяет многое. Противоестественно и странно, когда этот «новый смысл» постепенно вытесняет традиционный, старый из жизни как таковой, уже вне зависимости от каких-то контекстных рамок.

Вот такое знакомое, всем известное, у всех на слуху сущее: «Постимся постом приятным...» С радостным, детским смехом произносят эти слова православные люди, заходящие в трапезную после продолжительной службы, утомленные, голодные, но довольные: труд «бденный» остался позади, а на столе – «утешение». Конечно, все блюда постные, но и постную пищу можно ведь очень вкусно приготовить: сколько есть рецептов всевозможных – знай лишь выбирай, что нравится! Тем более что в наше время чего только в магазинах нет. И гады морские, которых по «афонской традиции» принято в субботу-воскресенье вкушать. И фрукты-овощи, в разных концах света выращенные и собранные. И сладости, без молока, яиц и масла превосходно приготовленные.

Разумеется, при таком количестве разносолов, при премудром попечении о столах пост может быть приятным и даже очень. Особенно если человек просто-напросто устал от привычного своего рациона, чувствует необходимость воздержаться от мяса-птицы-рыбы, отдохнуть от

того, что утучняет фигуру, отягощает чрево. Не говоря уже о том, что немало есть людей, которым постная пища просто нравится. Неслучайно практически во всех приличных ресторанах предлагается сегодня посетителям постное меню, блюда из которого перемежаются блюдами из меню обычного.

Так что да – постимся постом приятным, и хорошо постимся... Остается дело за малым – спросить себя: приятным кому? – Как кому? Нам, кому же еще!

И как-то трудно, словно сквозь туман какой-то, припоминается, проступает в сознании основательно подзабытое: «...приятным, благоуханным Господеви». Оказывается, не для нас должен он быть приятным, а для Бога. Оказывается... Да мы ведь и знали это. Разумеется, знали! Просто такие мы существа, что даже на подсознательном уровне, без умышления, обдумывания стараемся, как правило, упростить сложное, сократить продолжительное, облегчить трудное. И в общем-то ничего в этом худого, предосудительного нет: это вполне разумно, рационально. С одним, пожалуй, «но»: рационализм уместен практически всегда, кроме тех случаев, когда речь идет о духовном, особенно же – о подвиге. А пост, лишенный элемента подвига, удобно превращается в диету.

Подвиг же, безусловно, не в том заключается, чтобы уморить себя голодом, дойти до физического и нервного истощения, сделаться неспособным ни к какому обществу или даже лично полезному деланию. Кому-то и масло необходимо растительное даже в среду и пяток, кому-то гады морские, кому-то рыба, а кому-то, может быть, и молочное даже... и мясное – например, если у человека открытая форма туберкулеза. Или малокровие. Или сложный перелом. Или еще что-то подобное.

Подвиг – он тогда, когда мы ради того, чтобы угодить Господу, трудимся, напрягаемся, преодолеваем себя, подвигаемся к тому, что впереди, что еще кажется недостижимым, но, тем не менее, остается верным, правильным ориентиром. И пост тогда пост, когда в нем есть момент самоутеснения, самоограничения, лишения себя привычной вольготности, свободы в угождении плоти, чтобы хотя бы немного воспрял, ожил обычно подавляемый ею дух.

Пост тогда приятен Богу, когда... неприятен – хотя бы немного – нам. Поэтому не будем превращать и его в удовольствие и развлечение. Не будем бездумно повторять слова церковного песнопения, опуская при этом самое главное и значительное в нем. Иначе легко может оказаться так, что нам пост приятен будет. А вот Господу – нет...

Игумен Нектарий (Морозов)

За что осудишь - в то сам и впадешь

С самого начала моей церковной жизни я старательно кого-либо осуждал. Идеи, явления, предметы, личностей, сообщества, народы.

Я осуждал католицизм за неправославие;

Я осуждал красный цвет, за то, что его любят коммунисты;

Я осуждал гвоздики за то, что это «цветок революции»;

Я осуждал священников за короткие бородки;

Я осуждал писателей за то, что пишут «недуховные» книги;

Я осуждал американцев за парадные улыбки;

Я осуждал демократию за то, что она не монархия, монархию за несвободу, свободу за неиерархичность, иерархию за недемократичность.

Etc, etc, etc...

И каждый раз Господь упорно разрушал мои построения. Он никак не давал мне спуска. Только стоило мне в чем либо – кроме как в Нем Самом – утвердиться как в точке своей правоты, как тут же то разрушалось.

Один священник как-то рассказал мне историю из своего детства. По-

слали его с бидончиком в магазин за молоком. Купил он молоко, и побежал домой. День весенний теплый, солнечный, бежит легко, весело, и сам себя со стороны видишь: вот какой ловкий мальчик бежит, красиво так через лужи перепрыгивает. Очень сам себе нравился. А тут очередная лужа, поболее и поглубже других, прыгнул, но поскользнулся – и буквально носом в середину лужи. И бидончик рядом в молоке плавает. «Вот так – завершил рассказ о. Сергей – потщеславился – сразу «ударил лицом в грязь». Буквально. На всю жизнь запомнил вразумление Господне».

Так и меня вразумлял Господь. Только мне понатрудилось гораздо более времени, чтобы понять и запомнить. Иногда это происходило в результате развития обстоятельств, иногда внезапным событием. Зачастую комичным. А иногда – промыслительно опережало будущие искушения.

Как-то, уже будучи иереем, я заметил за собой, что очень раздражаюсь на людей, которые во время богослужения (особенно в ключевые его моменты) ходят по храму, заходят,

выходят. И в какой-то момент вдруг я вспомнил: первое время после крещения и воцерковления нашей семьи, когда мы ходили по субботам на вечернее богослужение, то отстоять нам всю службу не получалось – малыши, дорога домой. А когда можно уходить – мы никогда толком определить не могли. Наконец, я зафиксировал для себя элемент службы, который был уже близок к окончанию, и который был для меня узнаваем. И каждый раз, когда начиналось знакомое песнопение, я давал знак, мы начинали собирать детей, вещи, и покидали храм. Это было – пение «Честнейшей» после восьмой песни канона утрени – одно из немногих мест богослужения, (наряду с шестопсалмием и полиелеем), которое традиционно требовало максимального внимания и молитвенной собранности прихожан. И за все время никто не сделал нам замечания! – хотя представляю, как мы мешали и соблазняли окружающих. Естественно, это воспоминание через годы подверглось воздействию на мое горячее раздражение как холодный отрезвляющий душ.

Как-то на приходе я произнес

горячую проповедь против американцев и насаждаемого ими по всему миру образа жизни. Через неделю, на следующую воскресную службу, к нам, на сельский приход, каким то невероятным образом попала чета пожилых американцев, путешествующих с переводчиком по Украине. Это были милейшие люди, общение с которыми умилило и порадовало.

Бывало, что даже при «объективной» негативности явления, если я начинал осуждать, Господь конкретными ситуациями и индивидуальными встречами показывал мне: нельзя, не смей, суд тебе не принадлежит.

Злобно осуждал коммунистов и КГБ-шников. В 90-х годах бывшая работница районного партаппарата (из тех, кто всегда ташили на себе основную практическую работу), а ныне райисполкома, Галина Павловна Чмелева, оказалась нашим «ангелом-хранителем» при райадминистрации: её бескорыстное внимание и забота поддерживала и выручала наш приход как в повседневной жизни, так и в самые трудные минуты. Одним из самых уважаемых мною за глубокую порядочность, прямоту и честность, самоотверженность и стойкость, оказался полковник, всю жизнь проработавший в системе КГБ-СБУ.

Я осуждал о. Александра Шмемана и даже А.И. Солженицына за то, что их дети не стали православными священниками! Мои сыновья также не пошли по этому пути.

Не раз мне приходилось убедиться, что осуждение – это чаще всего – «лукавство лукавого», что поводом к нему явилось нечто, то ли вообще не существующее, то ли неверно нами понятое. Подозрительность в отношениях с ближними, доверчивость к дурным наветам и предположениям – излюбленное оружие врага. И как часто попадаемся мы на этот крючок!

А нередко прямым результатом осуждения было, что я так или иначе повторял то, за что осуждал. Иногда это была действительно некая немощь – по классическому принципу «За что осудишь – в то сам и впадешь». Иногда же, напротив, со временем я понимал, что то, что раньше осуждал как «неправославное», «апостасийное» и пр. и есть подлинное, живое, евангельское православие. Но, как бы там ни было, не давал мне Господь «почивать на лаврах» своей «правоты» и «духовности».

Об одном из случаев такого вразумления расскажу ниже.

Случилось мне как-то весной 2003 года прочитать где-то, что среди европейских народов наиболее нерелигиозные два: голландцы и чехи. Ну, голландцы «и прочие шведы» далеко, а чехи вроде бы тут, рядом; из одного «лагеря» выбрались. И они вот, оказывается — безрелигиозные. Плохие чехи. Да что мне? – «зачем, скажите, вам чужие палестины?» Но вот, оказались, нужны – чтобы осуждать азартно. Сам к этому почему-то мыслями возвращался не раз, с кем-то своим возмущением еще и делился – «Ах, такие-растакие, чехи! Бездуховные, неправильные».

Реакция не замедлила себя ждать. Май 2003. Звонит мне вечером друг, директор Николаевского зоопарка, Володя Топчий. «Отец Михаил, у нас тут группа биологов, едем завтра на несколько дней на Кинбурн, они хотят осмотреть гнездовья птиц. Не поедешь ли с нами?» Конечно, я согласился – ближайшие дни у меня были свободны.

Утром за мной заехали. Познакомились. Биологами оказались чехи, руководители и научные сотрудники зоопарков Брно и Вышков: Богумил, Йозеф, Карел, Юрий.

Часа через три мы прибыли на место. Разместились в поместье Толи Дюмина на лиманной стороне косы. И с этого же дня начались поездки по косе. Перемещались

мы на дюминской же машине – вдвоем в маленьком трехдверном джипе «Исузу». Весело было, особенно процедура погрузки-разгрузки: «Ногу, ногу отдайте! Эй, а чья это голова у меня под мышкой?» Чехи, водитель Дюмина, директор ландшафтного парка «Кинбурнская коса» Зиновий Иосифович Петрович, Володя Топчий и его зам. по зоопарку Юра. И я.

Озера и солончаки с гнездовьями птиц: ходулочник, шилоклювка, кулик-сорока. Морской берег, за полосой прибрежной выброшенной недавним штормом мидии – свежие и вкусные. Оконечность косы – быстрый поток воды уходит к горизонту двумя несмешивающимися полосами разного цвета, разделенными пенным буруном: справа темная днепровская, слева прозрачная морская. У самого берега можно стоять по колено в воде, и черпать ладонями с одной стороны желтоватую пресную речную воду, с другой – изумрудно-зеленую соленую морскую.

Эти дни остались в моей памяти как одно из самых светлых воспоминаний последних лет, если не всей жизни. Чехи оказались необыкновенно милыми людьми – интересными, адекватными, добрыми, очень живыми и веселыми. Они все вполне прилично говорили по-русски – плоды образования времен «социалистического лагеря», а самый старший из них (лет пятидесяти), Богумил, к тому же долго жил в Союзе, работал биологом на Сахалине. Так что общение было полноценным. Да и чешский язык, против моих представлений, оказался близок русскому; общие славянские корни помогали взаимопониманию. Беседы с ними были не праздными, но, напротив, часто содержательными, серьезными.

А еще наши гости прекрасно пели чешские народные песни. Меня это поразило – у нас кроме «Ты ж мэнэ пидманеула...» да невразумительных фрагментов еще нескольких популярных песен, при застолье пения не получается; никто толком не знает ни слов, ни мелодии. Чехи же, люди городские, далеко не песенных профессий, не являющиеся спешейся группой (вместе пересекались они не часто), знали нескончаемое количество песен, сложных, многоголосых, мелодичных. Как-то вечером они устроили нам настоящий концерт, длившийся часа полтора. Откуда такое чудо? – не знаю.

А религиозность чехов? Доброта, любовь, самоотверженность в труде – ведь, по выражению Богумила, «в зоопарках работают только идиоты, мизерная зарплата при избытке обязанностей и ответственности». Мало ли этого? А вера, спросите? А кто судия – в чем эта вера, есть ли она и какова? Через несколько дней чехи уезжали на родину, и перед отъездом приехали ко мне. На воскресную службу. Приехали специально, и всю службу выстояли, даже Богумил с его больными ногами (застудил на Сахалине, в наших походах он больше сидел и ждал). Только Карел, хотя и простоял неподвижно все это время, но – за дверями. И объяснил такое свое решение очень убедительно: «Я думаю, будет нечестным по отношению к Богу (!), если я тут пойду в церковь — при том, что дома никогда не хожу. Вот вернусь, попробую пойти у нас на службу».

Мы расстались. Больше никого из них я не видел, кроме Богумила. Через год тот еще раз приезжал в Николаев, в зоопарк. И привез от всей братии мне подарок – здоровенную бутылку сливовицы.

Вот так.

«Не судите, да не судими будете»... Когда же наконец мы это запоем?

Очерк опубликован с небольшими сокращениями

Протоиерей Михаил Шполянский

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЭТУ ГАЗЕТУ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ. ЕСЛИ ОНА СТАЛА НЕ НУЖНА, ОТДАЙТЕ ЕЕ ДРУГИМ ЛЮДЯМ ИЛИ ПРИНЕСИТЕ В ХРАМ.

Печатный орган прихода храма «Преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких». Тираж 200. Настоятель прихода священник Алексей Суханов (тел. 8 904 410 8101). Распространяется бесплатно.

www.hram-v-kotlubani.ru